

СООБЩЕНИЕ

Научная статья
УДК 94(571.54)
DOI 10.18101/2305-753X-2025-4-89-96

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (1920–1930-е гг.)

© Прощалыгина Оксана Витальевна
магистрант,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
oxanaproshalygina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию повседневной жизни старообрядцев (семейских) Бурят-Монгольской АССР в переломный период 1920–1930-х гг. На основе анализа архивных материалов Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) и периодической печати автор реконструирует быт, хозяйственный уклад, религиозные практики и семейные отношения старообрядческих общин в эпоху радикальных социополитических трансформаций. Подробно рассматриваются такие аспекты, как традиционный костюм и его адаптация, пищевые практики, регламентированные церковным календарем, патриархальный семейный уклад, характеризующийся ранним приучением детей к труду и сложной брачной обрядностью.

Особое внимание уделяется анализу стратегий адаптации и сопротивления семейских политике советской власти, включая коллективизацию, антирелигиозную пропаганду и культурное преобразование. Исследуется двойственное отношение общин к государственному образованию и официальной медицине, а также нарастание внутренних конфликтов, вызванных ослаблением традиционных устоев, что проявлялось в росте алкоголизма и нарушении брачных норм. Показано, как репрессивная политика 1930-х гг., направленная на ликвидацию религиозных институтов, нанесла урон культурному наследию старообрядцев. Делается вывод о том, что, несмотря на жестокие гонения и частичную интеграцию в советскую систему, семейские смогли сохранить ядро своей этноконфессиональной идентичности. Это стало возможным благодаря стратегиям выживания, отточенным веками, таким как замкнутость общины и сохранение традиций в рамках семьи, что демонстрирует удивительную устойчивость традиционной культуры в условиях внешнего давления.

Ключевые слова: старообрядцы, семейские, Забайкалье, повседневная жизнь, советская модернизация, религиозные репрессии, этноконфессиональная идентичность.

Для цитирования

Прощалыгина О. В. Повседневность и стратегии выживания старообрядцев Бурят-Монгольской АССР в условиях советской модернизации (1920–1930-е гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2025. Вып. 4. С. 89–96.

Старообрядчество — уникальное социокультурное явление, на протяжении столетий сохраняющее свою самобытность. Статья посвящена исследованию особенностей повседневной жизни старообрядцев Бурят-Монгольской АССР в период 1920–1930-х гг.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания механизмов социокультурного взаимодействия, а также адаптации в условиях радикальных социальных изменений.

Историография изучения старообрядчества насчитывает длительный период, начиная с дореволюционных исследований. Сбором, описанием и анализом полевых материалов занимались такие исследователи, как П.-С. Паллас [16], А. И. Мартос [15], С. В. Максимов [14], П. А. Ровинский [23]. В послереволюционный период А. Л. Селищева [22], В. П. Гирченко [9], А. М. Попова [19], опираясь на архивные и этнографические данные, изучали вопросы переселения, условия жизни, языка и культуры. В 1930–1950-е гг. изучение старообрядцев практически прекратилось из-за усиления атеистической пропаганды, антирелигиозной борьбы. Однако в это время выходит работа антирелигиозного деятеля А. Долотова [11].

Следующий этап изучения старообрядцев начинается в 1960–1980-е гг. В работах таких исследователей, как А. А. Лебедева [20], М. М. Шмелевича [24], Ф. Ф. Болонев [1], акцент делается на историю, язык, культуру и этнографию старообрядцев. Историография постсоветского периода характеризуется углубленным изучением языка и этнокультуры старообрядцев Забайкалья. Проблематику, связанную с началом XX в. и первыми десятилетиями советской власти, разрабатывали Ф. Ф. Болонев [3], С. В. Бураева [6], Н. Н. Стахеева [23], С. В. Васильева [8], А. В. Костров [13] и другие ученые.

Большое значение для работы имеют фонды (в том числе личные) Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ)¹, где в разного рода отчетах, протоколах, записках, письмах, фотографиях отображается повседневная жизнь старообрядцев того периода. Для изучения взаимодействия между официальным обществом и старообрядческими общинами необходимы материалы периодической печати, среди которых особое место занимает газета «Бурят-Монгольская правда».

Для оценки влияния преобразований советской власти на старообрядцев необходимо учитывать их закрытый этноконфессиональный характер и многовековую традицию сохранения самобытности. Сообщества, в которых жили староверы того периода, все нововведения воспринимали как враждебные.

Уникальный образ жизни забайкальских старообрядцев обусловил их отличительные черты как в моральном, так и физическом плане. Архивные источники отмечают их рослость, привлекательность, а также высокий уровень рождаемости и долголетие по сравнению с сибирским населением. Так, например, анализ материалов Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) за 1919–1926 гг. показывает рост числа домохозяйств среди семейских, что косвенно позволяет утверждать о повышении численности населения.

¹ ГАРБ. Ф. Р-2651. Оп. 1. Д. 207. Л. 85–142; Д. 208. Л. 145, 161–184; Д. 209. Л. 128, 154–158.

Национальный костюм старообрядцев служил важной чертой для старого семейного быта. Женский наряд включал рубашку с яркими рукавами, сарафан с «бином» и нижнюю юбку, а также пояс. Под «запаном» скрывался металлический крест, на груди висели бусы. Замужние женщины носили кичку и шаль, в торжественных случаях — кокошник. Мужская одежда отличалась простотой: рубаха, сапоги, курма и головные уборы в виде шляпы, молодежь предпочитала картузы. Стоит отметить, что в церковь женщины надевали шаль, завязанную концами под подбородком, мужчины — длинные халаты. В повседневной жизни, одежда отличалась практичностью: женщины завязывали шаль без кички, обувью служили сапоги или ботинки, часто ходили босиком. Зимой предпочтение отдавалось овчинному полушубку или тулупу, шапке и шерстяным варежкам. Примечательно, что мужчины носили бурятские унты. Одежда детей ничем не отличалась от взрослой.

Быт старообрядцев характеризовался не только национальным костюмом, но и уникальной домашней утварью. Стоит отметить, что в 1920-е гг. материалом для изготовления посуды еще служила береста. Питание было разнообразным и строго регламентировалось церковным календарем, подразделяясь на «молосную» и «постную» пищу. В данный период основу рациона составлял ржаной хлеб, овощи (картофель, капуста), мясо и другие продукты. Дикорастущие растения дополняли меню. В праздники питание старообрядцев отличалось обилием сладостей. Среди напитков у старообрядцев стал популярен чай, несмотря на запрет, выраженный в пословице «кто чай пьет, тот от Бога отчаен». В этот период среди староверов Забайкалья отмечается увеличение потребления алкоголя. Это характеризует ослабление традиционных нравственных норм и обычаев, а также неэффективность сдерживающих мер.

Семьи у старообрядцев были патриархальными, где отец имел главенствующую роль, но женщины, особенно родители, оказывали также значительное влияние. Бабушки играли ключевую роль в воспитании внуков, передавая им традиционные ценности. Стоит отметить, что отношение к внукам-мальчикам было более предпочтительным, так как они после свадьбы оставались в семье. С раннего возраста дети старообрядцев активно приучались к труду. Уже с 8–9 лет девочки осваивали прядение, вязание и поддерживали чистоту и порядок в доме. Мальчики с 9–10 лет обучались грамоте. Дети должны были заучивать псалмы, молитвы, а также петь на клиросе.

Семейские, не признававшие светского образования из-за отсутствия в нем Закона Божьего и церковнославянской грамоты, отказывались отдавать детей в государственные школы. Однако в эти годы наметилась тенденция к росту числа детей, посещавших учебные учреждения, что свидетельствовало о доверии и лояльном отношении к светской системе образования. Так, старообрядцы села Большой Куналей заявили: «Мы относимся к советской власти хорошо, но не будем поддерживать ее, пока она не разрешит нам иметь свои школы».

В старообрядческих общинах заключались в основном ранние браки: для девушек — в 15–16 лет, для юношей — в 17–18. Хотя молодежь имела относительную свободу в общении, внебрачные отношения осуждались. Браки часто заключались по воле родителей, однако к 1920-м гг. молодые люди стали более самостоятельны в выборе партнера.

Брачные обряды включали сватовство, переговоры о приданом, калыме, а также благословление родителей. Стоит отметить, что в рассматриваемый период предпочтение отдавалось традиционной модели брака. Браки на межрелигиозной и межэтнической основе были под запретом, однако такие случаи наблюдались. Не разрешалось жениться на родственнике до седьмого колена, если такое случалось, то их немедленно разводили. Отличие старообрядческих браков от православных состояло в том, что были ограничения на венчание, кроме придерживающихся Белокрыницкой иерархии (австрийское согласие) и беглопоповцев. Регистрацию брака не признавали, считая это грехом. Несмотря на то, что разводы запрещались, в 1920-е гг. их число заметно возросло.

В период преобразований советской власти молодежи, особенно девушкам, было сложно противостоять консервативным взглядам и добиваться самостоятельности. Ситуацию усугублял низкий уровень грамотности, особенно среди женщин, которых не считали нужным учить. Девушки рано начинали работать, в 15–16 лет их выдавали замуж, и уже на первом году брака у них рождался ребенок. Многодетность (за редким исключением в старообрядческой семье было меньше 12 детей) практически исключала возможность самореализации. Однако в послереволюционный период женщины стали участвовать в общественной жизни, их активность оставалась невысокой, поскольку под влиянием духовных лиц боялись совершить грех.

Архивные источники свидетельствуют о противоречивом отношении старообрядцев к школе — от положительного до враждебного. Что касается медицины, то в основном к ней относились негативно, предпочитая обращаться к знахарям, а не к врачам. В писании врачевание считалось греховным: «Лучше есть вне здравии прибывать, нежели ради применения немощи, в нечистивости. А ще бои уврачуе бес, бол, мол, ми повредит нежели ползова».

Несмотря на отсутствие религиозного запрета, старообрядцы избегали вакцинации от оспы. А. М. Попова [19] во время своей экспедиции отмечала: «...в 1924 г. в бытность мою в Тарбагатае я наблюдала, как из одного дома выносили по 4–5 гробов за 3–4 дня, как слепли бедные дети и даже подростки». В таких ситуациях, если кто и спрашивал о гибели детей у семейских, был ответ: «Ну у нас их, как щенят, развелось» и т. д.

1920–1930-е годы стали переломными: молодежь, стараясь не отступать от традиции, искала новые пути. Часть посещала избы-читальни, другая находила утешение в алкоголе и разврате. Так, например, в селе Куналей за 1924–1925 гг. было зарегистрировано 6 убийств, 3 случая ограбления, застрелены две лошади. А. М. Попова связывала это с отсутствием ответов на вопросы, которые могла бы дать школа, а также другие культурно-просветительские учреждения [19].

Развлечения молодежи тоже были весьма интересными. В праздники, например, на Троицу, совершался обряд кумления: украшали березу, пели, трапезничали, а вечером ритуально топили украшения в реке. В этот день молодежь ходила по деревне в нарядной одежде, кроме тех, кто участвовал в обряде. Женщины и мужчины много пили, катались на лошадях и пели. В повседневной жизни девушки устраивали «посиделки», занимаясь рукоделием; парней, кроме женихов, на них не допускали. Летом играли в мяч и городки. Детские развлечения были разнообразными: дети много времени проводили на улице, собирали расте-

ния, играли в «бабки», «коршуна», «войну» и т. д., зимой катались с горок. Игры часто сопровождались пением. Дети любили слушать сказки и предания от бабушек и дедушек.

В религиозной жизни уставщик, которым мог быть и крестьянин, знающий церковные тексты, играл важную роль у старообрядцев, проводя разного рода обряды. В молитвенных домах мужчины молились отдельно от женщин. В этот период посещаемость церквей заметно снизилась, в основном ходили старики, в то время как молодежь посещала церкви только по праздникам.

В 1920-е гг. политика советского государства значительно изменила повседневную жизнь старообрядцев, а в 1930-е гг. они столкнулись с жестокой политикой государственного атеизма, направленной на искоренение религии. О. Б. Гордеева [13] в своем исследовании ссылается на архив Тарбагатай, в частности на протокол заседания Куйтунского сельсовета от 1 июля 1937 г. В документе содержатся указания о необходимости обсуждения новой Конституции Бурят-Монгольской АССР в колхозах. Особое внимание уделялось развертыванию антирелигиозной деятельности, регулярным встречам и проведению классовой пропаганды в преддверии выборов. Протокол подписан председателем заседания Ефремовым. В рамках этой политики массово закрывались церкви и молитвенные дома, с них снимали колокола. Власти конфисковывали имущество, оскорбляя религиозные чувства верующих. Так, например, в 1989 г. Леон Власович Афанасьев рассказал корреспонденту газеты «Правда» о том, как изъятые иконы из церкви использовали в качестве окон в коровниках и курятниках. Помимо этого, из икон среднего размера выкладывали тротуары, по которым жители отказывались ходить.

В то время как интеллектуальная элита пыталась защищать права верующих, органы ОГПУ проводили в отношении них репрессии. Архив г. Улан-Удэ хранит данные о конфискации ценностей из старообрядческих храмов. В 1935 г. в селе Большой Куналей были закрыты два молитвенных дома и храм из-за их аварийного состояния и отсутствия богослужений. В документах комиссии по ликвидации фиксировалось недовольство местных жителей. В 1935–1936 гг. также закрыли молитвенные здания и часовни в других селах. Здания передавали в распоряжение государства или сельсоветов, к работе привлекались городские пролетарии. В 1939 г. на заседании в Новой Бряни церковь была объявлена рассадником невежества и препятствием для развития, что послужило основанием для ее ликвидации.

В 1937 г. старообрядцы подверглись массовым репрессиям, включая расстрелы и отправку в ГУЛАГ. Всего за пять лет, с 1932 по 1937 г., общины лишились всех своих церквей. Были уничтожены ценные старинные иконы, что нанесло урон культурному наследию. Власти запугивали, высылали верующих и конфисковывали их имущество и расстреливали священников.

Так, например, 27 января 1936 г. состоялся прием делегатов трудящихся Бурят-Монголии руководителями СССР, где заслушивались доклады об изменениях в жизни республики. М. Н. Ербанов [12] в своем труде отразил выступления того приема, в том числе и свой доклад о преображении старообрядческого села: «...Пронесятся вереницы колхозных велосипедистов, велосипедов в Куналее — около 200. Ярким светом залиты избы колхозников и высокий Дом социалистической культуры, работает своя колхозная электроустановка».

Таким образом, повседневная жизнь старообрядцев Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е гг. представляла собой сложный и противоречивый процесс постоянного взаимодействия и противодействия с советской государственной системой. С одной стороны, этот период ознаменовался вынужденной интеграцией части сообщества в новые социальные реалии: молодежь начала вступать в комсомол и посещать школы, население постепенно стало доверять официальной медицине, а в быту появились элементы новой советской культуры (велосипеды, электричество). С другой стороны, эти изменения сопровождались глубоким внутренним кризисом, выражавшимся в росте алкоголизма, нарушении традиционных брачных норм и ослаблении религиозной дисциплины.

Жестокая антирелигиозная политика 1930-х гг., массовые репрессии и физическое уничтожение церквей и культурных реликвий нанесли непоправимый урон старообрядческой общине, пытаясь подорвать основы ее идентичности. Тем не менее, несмотря на все усилия государства по искоренению религии, семейские Забайкалья продемонстрировали удивительную устойчивость. Отточенные веками преследований стратегии выживания — замкнутость общины, сохранение традиций в рамках семьи и домашнего круга, устная передача знаний и обрядов — позволили им не ассимилироваться полностью и сохранить ядро своей уникальной культуры. Опыт забайкальских старообрядцев этого периода является ярким примером того, как локальная традиционная культура может сопротивляться тоталитарному давлению, находя способы для самосохранения даже в самых неблагоприятных исторических условиях.

Литература

1. Болонев Ф. Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1978. 159 с. Текст: непосредственный.
2. Болонев Ф. Ф. Семейские: историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. 150 с. Текст: непосредственный.
3. Болонев Ф. Ф. Семейские: историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. 205 с. Текст: непосредственный.
4. Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. Москва: ДИК, 2004. 350 с. Текст: непосредственный.
5. Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики. Барнаул: Изд-во БЮИ, 2001. 52 с. Текст: непосредственный.
6. Бураева О. В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII — начале XX вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 212 с. Текст: непосредственный.
7. Васильева С. В. Материалы фонда Тарбагатайского волостного правления (систематизация и комментарии). 1736–1922 гг. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. 218 с. Текст: непосредственный.
8. Васильева С. В. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе в XVII–XXI вв.: историография и источники. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 204 с. Текст: непосредственный.
9. Гирченко В. П. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских // История и культура семейских Забайкалья: хрестоматия. Улан-Удэ, 2005. Ч. 1. С. 254–286. Текст: непосредственный.
10. Гордеева О. Б. На фронте и в тылу: старообрядцы Байкальской Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник ИрГТУ. 2014. № 6(89). URL:

О. В. Процалыгина. Повседневность и стратегии выживания старообрядцев Бурят-Монгольской АССР в условиях советской модернизации (1920–1930-е гг.)

<https://cyberleninka.ru/article/n/na-fronte-i-v-tylu-starobryadtsy-baykalskoy-sibiri-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 10.10.2025). Текст: электронный.

11. Долотов А. Старообрядчество в Бурятии (Семейские в Забайкалье). Верхнеудинск: Бургосиздат, 1931. 52 с. Текст: непосредственный.

12. Ербанов М. Н. Бурят-монголы у великого Сталина. Улан-Удэ: Бургосиздат, 1936. С. 65. Текст: непосредственный.

13. Костров А. В. Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905–1930-е гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2010. 444 с. Текст: непосредственный.

14. Максимов С. В. Сибирь и каторга // История и культура семейских Забайкалья: хрестоматия. Улан-Удэ, 2005. Ч. 1. С. 111–117. Текст: непосредственный.

15. Мартос А. И. Письма о Восточной Сибири // История и культура семейских Забайкалья: хрестоматия. Улан-Удэ, 2005. Ч. 1. С. 105–108. Текст: непосредственный.

16. Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российского государства // История и культура семейских Забайкалья: хрестоматия. Улан-Удэ, 2005. Ч. 1. С. 93–104. Текст: непосредственный.

17. Попова А. М. Песни партизан (семейские селения Верхнеудинского уезда) // Сибирская живая старина. 1926. Вып. 1(5). С. 29–37. Текст: непосредственный.

18. Попова А. М. Краткий отчет о работе среди семейских Забайкалья в 1925 г. // Бурятияведение. 1926. № 2. С. 22–23. Текст: непосредственный.

19. Попова А. М. Краткий отчет о летней работе в Верхнеудинском уезде Бурят-Монгольской АССР в 1926 г. // Бурятияведение. 1927. № 3–4. С. 140–141. Текст: непосредственный.

20. Лебедева А. А. Русские Притоболья и Забайкалья. Очерки материальной культуры XVII — начала XX в. Москва: Наука, 1992. 135 с. Текст: непосредственный.

21. Ровинский П. А. Этнографические исследования в Забайкальской области // История и культура семейских Забайкалья: хрестоматия. Улан-Удэ, 2005. Ч. 1. С. 119–127. Текст: непосредственный.

22. Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские // История и культура семейских Забайкалья: хрестоматия. Улан-Удэ, 2005. Ч. 1. С. 201–253. Текст: непосредственный.

23. Стахеева Н. Н. Старообрядчество Восточной Сибири в XVII — начале XX в.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Иркутск, 1998. 335 с. Текст: непосредственный.

24. Шмулевич М. М. К вопросу о движении населения русского крестьянства в Западном Забайкалье в первой половине XIX в. // Этнографический сборник. Вып. 4. Культура и быт народов Бурятии. 1965. С. 129–141. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 23.11.2025; одобрена после рецензирования 28.11.2025; принята к публикации 10.12.2025.

EVERYDAY LIFE AND SURVIVAL STRATEGIES OF THE OLD BELIEVERS
OF THE BURYAT-MONGOL ASSR UNDER SOVIET MODERNIZATION
(1920S–1930S)

Oksana V. Proshchalygina

Master Student

Dorzhi Banzarov Buryat State University

24a Smolina St., 670000 Ulan-Ude, Russia

oxanaproshchalygina@yandex.ru

Abstract. The article presents a comprehensive study of the everyday life of the *Semeiskie* Old Believers in the Buryat-Mongol ASSR during the pivotal 1920s–1930s. Based on archival materials from the State Archive of the Republic of Buryatia (SARB) and periodicals, the author reconstructs the domestic life, economic practices, religious rituals, and family relationships of Old Believer communities amid radical sociopolitical transformations. Key aspects analyzed include traditional clothing and its adaptations, food practices regulated by the church calendar, and the patriarchal family structure characterized by early labor training for children and complex marital rituals.

Special attention is given to the strategies of adaptation and resistance employed by the *Semeiskie* in response to Soviet policies, including collectivization, anti-religious propaganda, and cultural transformation. The article examines the communities' ambivalent attitudes toward state education and official medicine, as well as the growth of internal conflicts resulting from the weakening of traditional norms, manifested in rising alcoholism and breaches of marital codes. The study shows how the repressive policies of the 1930s, aimed at dismantling religious institutions, caused significant damage to the cultural heritage of the Old Believers.

The article concludes that, despite severe persecution and partial integration into the Soviet system, the *Semeiskie* managed to preserve the core of their ethno-confessional identity. This resilience was achieved through survival strategies honed over centuries, including community insularity and the maintenance of traditions within the family, demonstrating the remarkable durability of traditional culture under external pressures.

Keywords: Old Believers, *Semeiskie*, Transbaikalia, everyday life, Soviet modernization, religious repression, ethno-confessional identity.

For citation

Proshchalygina O V. Everyday Life and Survival Strategies of the Old Believers of the Buryat-Mongol ASSR under Soviet Modernization (1920s–1930s). *Bulletin of Buryat State University. Inner Asia Humanities Research*. 2025; 4: 89–96 (in Russ.).

The article was submitted 23.11.2025; approved after reviewing 28.11.2025; accepted for publication 10.12.2025.